

«НОМО POST SCRIPTUM» В ДРАМАТУРГИИ А. ПЛАТОНОВА И Н. ЭРДМАНА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В. В. Каблуков, Е. Ф. Косицына

Аннотация. Проблема разграничения текста и реальности – одна из главных в модернистской культуре XX в. Цель работы – показать, как в русской литературе экзистенциального реализма реализуется общее для европейского культурного сознания понимание мира как текста. В основу анализа положены культурно-исторический и историко-генетические методы. В центре анализа – тип персонажа, ранее не подвергавшийся научному осмыслению – «человек написавший», «человек после письма», «*homo post scriptum*». В картине мира русской литературы экзистенциального реализма 1920–1930 гг. формула «жизнь вне текста» дается как один из способов физического сохранения себя в абсурдной реальности. При этом сама реальность, уничтожающая человека, распадается на порожденные ей самой тексты, которые представляют лишь ее же фрагменты. Мифологическая пансемиотическая целостность мироздания в экзистенциальной картине мира разрушается, происходит тотальная дегуманизация текста. В русской литературе экзистенциального реализма начинает формироваться идеология того мироощущения, которое мы сейчас называем «пост-модернизм». Русская литература экзистенциального реализма, с одной стороны, вписана в общеевропейский культурный контекст, а с другой – продолжает традиции критического реализма, где поступки человека социально детерминированы.

Ключевые слова: экзистенциальная картина мира, мир как текст, экзистенциальный реализм, русская литература, литературный процесс первой половины XX в.

Для цитирования: Каблуков В. В., Косицына Е. Ф. «Номo post scriptum» в драматургии А. Платонова и Н. Эрдмана: традиции и новаторство // Наука и школа. 2023. № 3. С. 11–17. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-11-17.

© Каблуков В. В., Косицына Е. Ф., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

“HOMO POST SCRIPTUM” IN THE DRAMA WORKS
OF A. PLATONOV AND N. ERDMAN: TRADITIONS AND INNOVATION

V. V. Kablukov, E. F. Kosicyna

Abstract. *The problem of distinguishing text and reality is one of the main problems in the modernist culture of the twentieth century. The aim of a work is to show how the understanding of the world as a text, general to European cultural consciousness, is realized in the Russian literature of existential realism. The analysis is based on cultural-historical and historical-genetic methods. At the center of the analysis is a type of character that has not previously been subjected to scientific understanding – “the person who has written”, “the person after writing”, “homo post scriptum”. In the picture of the world of Russian literature of existential realism of the 1920–1930s, the formula “life outside the text” is given as one of the ways to physically preserve oneself in an absurd reality. At the same time, reality itself, which destroys a person, breaks up into texts generated by itself, which represent only fragments of it. The mythological pan-semiotic integrity of the universe in the existential picture of the world is being destroyed, a total dehumanization of the text occurs. In the Russian literature of existential realism, the ideology of the worldview that we now call “postmodernism” is beginning to form. On the one hand, the Russian literature of existential realism is inscribed in the pan-European cultural context, and on the other hand, it continues the traditions of critical realism, where human actions are socially determined.*

Keywords: *existential worldview, the world as text, existential realism, Russian literature, the literary process of the first half of the twentieth century.*

Cite as: Kablukov V. V., Kosicyna E. F. “Homo post scriptum” in the drama works of A. Platonov and N. Erdman: traditions and innovation. *Nauka i shkola*. 2023, No. 3, pp. 11–17. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-11-17.

В настоящее время в гуманитарных науках термин «картина мира» применяется широко и многоаспектно. В рамках этой статьи мы основываемся на утверждении М. Бахтина, употребляющего термины «образ мира» и «эстетическое видение мира» как синонимичные [1, с. 98], что «мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение» [1, с. 162]. Подходя к понятию модели мира, Бахтин вкладывает в него значение целостного представления о реальности людей какой-либо эпохи.

В «Словаре культуры XX века», определяя «картину мира» как «систему

интуитивных представлений о реальности», Вадим Руднев пишет: «...противопоставление бытия и сознания перестало играть в XX в. определяющую роль... а наиболее фундаментальной оппозицией К. м. [картины мира] XX в. стало противопоставление текст – реальность. В целом для К. м. XX в. характерно представление о первичности Текста» [2, с. 127].

В книге «Прочь от реальности» В. Руднев формулирует эту же мысль не столь категорично: «На попытке уловить и осознать границу между текстом и реальностью, в частности, построено все фундаментальное искусство XX века» [3, с. 5].

На наш взгляд, понимание Текста как первоосновы бытия можно встретить во

множестве мифологических и религиозных картин мира. При этом заметно движение «технологического» оформления Текста в Священную книгу, некую замкнутую систему, которая, с одной стороны, не подлежит изменению, а с другой, безоговорочно форматирует и объясняет окружающую ее реальность. В такой модели между Текстом и Реальностью нет ни оппозиции, ни границы. Они возникают в том момент, когда между ними появляется Автор, «Homo post scriptum», «человек написавший», претендующий на то, что созданный им текст влияет на реальность.

В русской литературе этот качественный скачок в развитии творческого сознания происходит в первой половине XIX в. В лирике, которая в большей степени, чем эпос и драма, зациклена на себе, наблюдается напряженная поэтическая рефлексия над истоками и смыслом творчества. Метасознание русской поэзии XIX в. создает две основные поэтические формулы реализации коллизии «Реальность – Автор – Текст», которые в XX в. будут определять особенности художественных миров целого ряда прозаических произведений.

Первая: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (А. С. Пушкин), вторая: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» (Ф. И. Тютчев). В первом случае авторский текст выполняет миромоделирующие функции, оформляет реальность, здесь включается энергия архетипа Священной книги. Во втором – подвергает тотальному сомнению, деконструирует библейскую идею изначальности Слова. Но общей отправной точкой размышления в обоих случаях является осознание оторванности законченного, завершеного произведения от автора. У Пушкина этот разрыв семантически связан с пониманием энтропийности физического, телесного существования («Душа в заветной лире мой прах переживет»), у Тютчева – в дистанцировании, эвфемистическом отречении

(«не дано предугадать») от собственно-го произведения (авторства). При этом текст обоих поэтов так или иначе влияет на реальность.

Уже во второй половине XIX в. «Человек написавший», ставший персонажем художественного произведения, терпит крах в реализации своей попытки организовать собственным текстом внешний мир. В «Преступлении и наказании» реальность оказывается несравненно сильнее и автора (Раскольников), и созданного им текста (статьи). Раскольников «не смог предугадать», как его идея воплотится в реальности. В финале романа Достоевский эскизно вписывает героя в библейский сюжет воскрешения Лазаря, но даже энергия Библии, центрального, сильнейшего прецедентного текста мировой культуры, не может вывести персонаж из ситуации поражения.

Центральные романы русской литературы первой половины XX в. «Мастер и Маргарита» и «Доктор Живаго» вновь утверждают пансемиотическую идею культурного бессмертия. Важно отметить, что претекстом и «Стихов Юрия Живаго», и романа Мастера является Библия. При этом «рукопись, которая не горит» дает шанс Мастеру преодолеть безумие, а писание стихов помогает герою Пастернака сопротивляться желанию покончить жизнь самоубийством. Главные герои умирают, но романы не завершаются их кончиной, сюжеты развиваются в вечность. Концепты философии существования – блаженное безумие и самоубийство – преодолеваются, терпят поражение в художественных мирах «Мастера и Маргариты» и «Доктора Живаго».

Однако литературный процесс этого периода дает нам и другой вариант ответа на вопрос: «Как наше слово отзовется?». В произведениях экзистенциальной направленности этот ответ звучит категорично: «Никак».

В современном литературоведении принято искать признаки зарождения

экзистенциального мироощущения в творчестве писателей XIX в. – Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, И. Бунина. При этом общим местом в исследованиях становится утверждение о преодолении в экзистенциальной литературе эстетики критического реализма. В. В. Заманская, например, говорит об этом так: «Принципиальной для экзистенциального сознания проблемой, пограничной для выявления экзистенциальной сути человека ситуацией является *проблема и ситуация жизни и смерти*. В экзистенциальной интерпретации они утрачивают аспекты, важные для классической русской литературы: смысл жизни, общественное назначение человека, связь его жизни с историческим процессом. Вопрос о смысле бытия изначально решен негативно: воля человека немного значит перед законами мирового устройства, волей судьбы. Гораздо большее значение для решения проблемы жизни и смерти приобретает опыт Ф. Тютчева и Л. Толстого, а не опыт Пушкина» [4, с. 18].

В нашем представлении, русская литература после 1917 г., погрузив человека в абсурд социальной реальности, заставляет его искать ответы на традиционные для русской классики вопросы о смысле жизни в конкретной исторической ситуации. Эти поиски совпадают с общеевропейским культурным контекстом, где герой-экзистенциалист переживает отчуждение от бытия целиком, но позволяют автору не моделировать ситуацию, а анализировать ее и описывать. В связи с этим нам видится возможным говорить об экзистенциальной картине мира как реализации реалистического метода в литературе экзистенциальной направленности, применять, вслед за В. Я. Линковым, термин «экзистенциальный реализм» [5].

При этом основные определители экзистенциализма – смерть и самоубийство, блаженное безумие, ситуация поражения, отчужденность и заброшен-

ность, одиночество, смерть Бога и т. д. – входят в художественную ткань произведений как нативные концепты. Под концептом мы понимаем здесь «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека...» [6, с. 43].

В истории русской литературы 1920–1930 гг. – это время сосуществования и борьбы множества эстетических систем. В это время относительной свободы творчества, когда пласт будущей «возвращенной литературы» только начинает формироваться, а давление на художника и догматизация творчества уже явственно ощущаются, авторы самых разных направлений пытаются ответить на основной вопрос философии, как его сформулировал А. Камю в «Мифе о Сизифе»: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства» [7, с. 24]. Типологически непоставимые персонажи Е. Замятина, А. Платонова, А. Мариенгофа, Тэффи, Н. Эрдмана, М. Булгакова, Б. Пильняка, Д. Хармса и др. либо кончают с собой, либо совершают поступки, синонимичные самоубийству [8].

По сути, самоубийством становится обнародование Осипом Мандельштамом стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...». Текстом автор бросает вызов Реальности, а та реагирует вполне прогнозируемо.

Показательно, что о произведении, главный герой которого – типичный маленький, а в контексте эпохи 1920–1930-х гг. – мелкий, человек, о пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца» Н. Я. Мандельштам говорит так: «Однажды Гарин прочел нам эрдмановского “Самоубийцу”, пьесу, которая не увидела сцены, и я услышала, что она звучит по-новому: а я вам расскажу, почему вы не разбили себе голову и продолжаете жить» [9, с. 220]. Типизация выходит с уровня социального на экзистенциальный, осмысление положения традиционного для русского критического реализма

«маленького человека» в обществе звучит в XX в. в более высоком регистре.

Сам же автор «Самоубийцы», молодой драматург, ворвавшийся в театральную жизнь Москвы 1920-х гг. пьесой «Шарманка», один из авторов сценариев к фильмам «Волга-Волга» и «Веселые ребята», после ареста в 1930 г. отказываясь от мироорганизующей идеи творчества, пишет басню: «Однажды ГПУ пришло к Эзопу...//А вывод ясен:// Не надо басен!» [10].

Эрдман обрек себя, говоря словами главного героя «Самоубийцы», на «жизнь шепотом», он после ареста писал мало и неинтересно, но прожил долго и безбедно.

Ситуация тотального давления, в которую поставлены герои Эрдмана в «Самоубийце» – маленькие, смешные люди, – общая для всех, кто жил в то время. В пьесе три предсмертных записки. Первую пишет Подсекальников, вторую – Виктор Викторович от имени Подсекальникова, третью – Федя Питунин. Идея «самоубийства» текстуально тиражируется, при этом первая записка «В моей смерти прошу никого не винить» [11, с. 137] – штамп, определяющий сценарий поведения человека, программирующий его на поступок. Записка от Виктора Викторовича, где перечисляются все «пострадавшие» от реальности, – попытка изменить социум, «достучаться», по ходу развития действия пьесы – «дозвониться» до безразличного к человеку мира. Но самоубийство Подсекальникова – мираж, социальные претензии персонажей – мнимость, смерть Питунина – трагедия человека, поверившего в придуманного для него Подсекальникова, а его записка «Подсекальников прав. Действительно жить не стоит» [11, с. 216] – текстуальное оформление миража. Единственный персонаж, текст которого не подвергается художественной деконструкции, «вписаться» в реальность, стать ее частью, – Егорушка, сочиняющий донос на Калабушкина.

В пьесе «14 Красных Избушек» А. Платонова незадолго до смерти решает «Мировую Загадку» второстепенный персонаж Вершков, написав всего четыре слова: «Да здравствует товарищ Сталин!» [12, с. 191]. Им созданный текст накануне смерти – тоже штамп, лозунг. Семантика здравницы сталкивается с семантикой смерти, возникает когнитивный диссонанс, которые персонажи понимают ощущают как «пустоту».

События пьесы происходят в «пустыне», в далеком колхозе на Каспийском море. Затерянность в пространстве – сценическая метафора отчуждения героев от социального бытия. Действие пьесы неумолимо ведет персонажей к смерти, в финале умирает ребенок, что, как и в повести «Котлован», становится метафорой несостоятельности представления о возможности человека руководить историей, метафорой смерти будущего, отсутствия идеала в настоящем и грядущем.

Необходимо отметить, что действие пьес Платонова и Эрдмана разворачивается вокруг нехудожественных текстов. Более того, второстепенные персонажи, номинально обозначенные в «Самоубийце» и «14 красных избушках» как писатели, оформляются в сатирическом дискурсе. Художественная литература существует в социалистической реальности только по факту «вписанности» в нее, при этом реальность сама порождает тексты – документы, которые вершат судьбы героев. Возникает своеобразная иерархия стилей, где художественный стиль находится ниже, чем официально-деловой. Главный герой «14 красных избушек» Хоз, закончив составлять отчет, произносит: «Книги писал, а никогда так не радовался» [12, с. 185]. Его спутница Интергом, написавшая «три очерка и пьесу пополам», уверена, что теперь она под защитой «высших сил»: «Я член Союза Советских писателей, от меня ждут вырастания качества, меня везде берегут» [12, с. 201].

Однако в самом начале пьесы о десакрализации художественного творчества как о состоявшемся факте говорит 101-летний Хоз, обращаясь к встречающим его писателям: «Не притворяйтесь серьезными, господа. Вам хочется рассмеяться в своей стране, а вы стараетесь мыслить! Смейтесь и сочувствуйте!.. Пишите рассказы. Играйте в свою славу!» [12, с. 162].

Постмодернистская, игровая трактовка художественного творчества зарождается внутри экзистенциальной картины мира.

В финале пьесы Хоз убивает свою любовницу Интергом, соцреалистическая иллюзия значимости созданного для и в угоду реальности текста рушится. В социальной действительности 1930-х гг. трагедией, самоубийством автора обернулась пансемиотическая утопия Маяковского, приравнявшего «к штыку перо».

«Жизнь вне текста» для Подсекальникова и персонажей «14 красных избушек» становится формулой существования в абсурдной действительности, способом физического сохранения себя. В противном случае «человек

написавший», если он не отрекается от текста, погибает, и неважно, какой текст он до этого создает: художественное произведение социального заказа, записку самоубийцы или политизированный лозунг, претендующий на абсолютную истину. При этом сама реальность распадается на множество текстов – «директив» и «циркуляров», которые представляют лишь ее фрагменты, мифологическая пансемиотическая целостность мироздания в экзистенциальной картине мира разрушается, происходит тотальная дегуманизация текста.

«Ното post scriptum» в экзистенциальной картине мира русской литературы 1920–1930-х гг. становится прототипом персонажей следующего этапа в развитии реализма, где общеевропейские культурные концепты второй половины XX в., концепты деконструктивизма, постструктурализма и постмодернизма реализуются в реалистической эстетике. При этом «человек написавший» становится персонажем произведений эпического рода литературы, осмысляется в рассказах, повестях и, главное, в романе, постоянно меняющемся вслед за реальностью жанре литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с. С. 7–180.
2. Руднев В. П. Картина мира // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1998. 384 с.
3. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
4. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 302 с.
5. Линков В. Я. История русской литературы. Вторая половина XIX века: учеб. пособие. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2010. 304 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академ. проект, 2001. 590 с.
7. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
8. Каблуков В. В. Концепт «самоубийство» в русской литературе 1920–1930-х годов // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 5. Филология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_suicide/ (дата обращения: 01.02.2023).
9. Мандельштам Н. Я. Самоубийца // Эрдман Н. Р. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург: У-Фактор, 2000. С. 217–221.

10. Эрджман Н. Р. Стихи. Басни. М.: ЭКСМО, 2007.
11. Эрджман Н. Р. Самоубийца // Эрджман Н. Р. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург: У-Фактор, 2000. С. 101–216.
12. Платонов А. 14 Красных Избушек // Платонов А. Ноев ковчег: пьесы. М.: Вагриус, 2006. С. 155–207.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti. In: Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskustvo, 1979. 423 p. Pp. 7–180.
2. Rudnev V. P. Kartina mira. In: Slovar kulturey XX veka. Moscow: Agraf, 1998. 384 p.
3. Rudnev V. P. Proch ot realnosti: Issledovaniya po filosofii teksta. Moscow: Agraf, 2000. 432 p.
4. Zamanskaya V. V. Ekzistentsialnaya traditsiya v russkoy literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletiy: ucheb. posobie. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 302 p.
5. Linkov V. Ya. Istoriya russkoy literatury. Vtoraya polovina XIX veka: ucheb. posobie. Moscow: Moskovskiy gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2010. 304 p.
6. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar russkoy kulturey. Moscow: Akadem. proekt, 2001. 590 s.
7. Kamus A. Buntuyushchiy chelovek. Moscow: Politizdat, 1990. 415 p. (In Russian)
8. Kablukov V. V. Kontsept “samoubiystvo” v russkoy literature 1920–1930-kh godov. Informatsionnyy gumanitarnyy portal “Znanie. Ponimanie. Umenie”. 2008, No. 5: Filologiya. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_suicide/ (accessed: 01.02.2023).
9. Mandelshtam N. Ya. Samoubiytsa. In: Erdman N. R. Samoubiytsa: Pyesy. Intermedii. Perepiska s A. Stepanovoy. Ekaterinburg: U-Faktor, 2000. Pp. 217–221.
10. Erdman N. R. Stikhi. Basni. Moscow: EKSMO, 2007.
11. Erdman N. R. Samoubiytsa. In: Erdman N. R. Samoubiytsa: Pyesy. Intermedii. Perepiska s A. Stepanovoy. Ekaterinburg: U-Faktor, 2000. S. 101–216.
12. Platonov A. 14 Krasnykh Izbushek. In: Platonov A. Noev kovcheg: pyesy. Moscow: Vagrius, 2006. Pp. 155–207.

Каблюков Валерий Витальевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка (как иностранного), Российский государственный технологический университет МИРЭА

e-mail: val.kablukov@yandex.ru

Kablukov Valerii V., PhD in Philology, Assistant Professor, Russian as a Foreign language Department, MIREA – Russian Technological University

e-mail: val.kablukov@yandex.ru

Косицына Евгения Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, старший педагог кафедры № 3, Российский университет дружбы народов; доцент, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

e-mail: a3484@yandex.ru

Kosicina Evgeniya F., PhD in Philology, Associate Professor, Senior Teacher, Department No. 3, Peoples' Friendship University of Russia; Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University

e-mail: a3484@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2023
The article was received on 07.02.2023